

Урбанистическая революция, третье пространство и критическая география: взгляд из Сколково

Иван Игоревич Митин,

к.г.н., доцент Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ

Тезисы доклада на Междисциплинарной научной конференции «Пространство и урбанизм: образы, структуры и символы», Москва, ИВИ РАН, 19 октября 2018 г.

Культурный ландшафт современных (пост)городских образований трансформирует и изменяет до неузнаваемости то, что мы привыкли называть *городским*. Урбанистическая революция, провозглашённая ещё А. Лефевром, сделала пространство (пост)современного мира тотально урбанизированным, создаваемым и проживаемым людьми одновременно в множестве разнонаправленных контекстов.

Лишённый подавляющего давления власти и государства, «в отрыве» от чётких иерархических структур (как природных, так и социальных), современный городской культурный ландшафт становится противоречивым, многослойным и многоголосым, проживаемым в множественных реальностях. Культурный ландшафт предстаёт как тотально городской *ландшафт-палимпсест* и *ландшафт-интертекст*. В то же время изучение именно повседневной деятельности в культурном ландшафте и особенностей жизни в нём людей позволяет говорить о выходе «за пределы» текстуальной интерпретации города.

Превращение окружающего нас мира в тотально урбанизированный (по А. Лефевру) приводит к конструированию новых (пост)городских форм. Чтобы обозначить отличие современного городского пространства от его прежних форм, Э. Соджа предлагает термин «*постметрополис*». Ключевое отличие постметрополиса от прежних городских форм – отсутствие четкой границы между реальным и воображаемым, объективным и субъективным. Теряют значение привычные дихотомии «городское – сельское», «центр – периферия».

Частный случай постметрополиса – *экзополис*. Идея экзополиса тесно переплетается с тезисом Ж. Бодрийара о тотальном проникновении в повседневность виртуальной или гиперреальности. Экзополис – это *город-симулякр*, в котором произошло смешение реального и воображаемого. Экзополис – это не копия, неотличимая от оригинала: экзополис стремится воплотить в себе основные черты традиционного города, но в то же время он обладает рядом свойств, позволяющих классифицировать его как новый – специфический и самостоятельный – тип городского пространства. Экзополис характеризуется как *место, в котором всё возможно, и ничто не реально*.

Основные признаки, выделяющие экзополис среди других урбанизированных ландшафтов, – это специфическая городская *форма* и культура *потребления*, искусственный характер происхождения и, как его результат, *отсутствие истории*. Что касается возникновения новой городской *формы*, экзополис не обладает привычной структурой города, где в центре сосредоточены деловые и общественные функции, а ближе к периферии – спальные районы. В нем стирается привычная граница между центром и периферией; свойство *центральности* может быть присуще любому объекту или месту.

В тотально урбанизированном ландшафте совершенно по-новому осмысляется тема *урбанизации, субурбанизации и рурбанизации*. В гиперреальности современных урбанизированных территорий в результате множественных (ре)интерпретаций и наслоений возникают *негородские, недогородские и постгородские* формы расселения, для характеристики которых экзополис Э. Соджи представляется удачным неологизмом.

В самом деле, примеры экспансии городской среды и ее трансформации с переходом от модерна к постмодерну часто можно наблюдать в окружающей действительности. Разрастающиеся на сельских территориях и слабо освоенных городских окраинах урбанизированные ландшафты: микрорайоны жилья, территории торгово-развлекательных комплексов, – давно стали привычным явлением.

В поисках экзополисов в российской действительности идеальным полигоном для изучения так называемая Новая Москва – территории, присоединённые к г. Москве административным путем в 2012 г. Ещё более близкий, нежели основная территория Новой Москвы – нынешние Троицкий и Новомосковский административные округа столицы – к исходному примеру Э. Соджи случай потенциального экзополиса предлагает также присоединённая в 2012 г. территория Инновационного центра «Сколково». Этот своеобразный «город в городе» претендует на статус уникального в градостроительном отношении «города будущего» со специфическими условиями повседневной жизнедеятельности в контексте российского законодательства и социальной структуры. Его пример показывает, что конструирование городской среды «сверху» (по специальному федеральному закону и силами Фонда «Сколково»), без взаимодействия с непосредственными «обитателями» территории (студентами «Сколтеха», сотрудниками компаний-резидентов Технопарка «Сколково» и др.) приводит к отсутствию единства между физическим, ментальным и проживаемым пространствами, без которого не может существовать городской культурный ландшафт.

Речь здесь идёт о том, что с каждой новой (урбанистической) революцией и в результате завершения критической зоны (по А. Лефевру) *город меняется*. Каждое общество создаёт своё собственное пространство и время. Новое тотально урбанизированное пространство – дифференцированное и многозначное – *так же, как и индустриальное, имеет в своей основе города* – однако это *новые города*.

Подобное изменение содержания *городского* без смены самого термина («город») и процесса («урбанизация») осмысливается в популярной (хотя и активно подвергающейся критике) концепции *планетарной урбанизации* (по Н. Бреннеру и К. Шмиду), рассматривающей город не как эмпирический объект, а как теоретическую (абстрактную) категорию. С этой точки зрения мы становимся свидетелями не просто возникновения новых – постгородских – *форм* пространства и места на рубежах Новой Москвы и ближнего Подмосковья, в Сколково или в десятках других намеренно сконструированных и отчаянно манифестирующих свою инаковость территориях, но и *трансформации самого содержания* того, что мы называем урбанизацией и урбанизированными пространствами и местами.